

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КЛАСТЕРОВ В ЭКОНОМИКЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

И.С. Ферова

ЛОКАЛИЗАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ И ТЕОРИЯ КЛАСТЕРОВ

На протяжении последнего десятилетия все больший интерес у специалистов в области экономической географии, а также экономистов и разработчиков экономической политики вызывает тема локальной промышленной агломерации и специализации. Среди множества идей и концепций, сформулированных в рамках этого нового подхода, наиболее значимой является теория кластеров, предложенная М. Портером [1, 2]. Кластерная модель Портера используется при разработке экономической политики во всем мире, будучи инструментом повышения конкурентоспособности экономики региона или страны в целом, а также стимулирования инноваций и экономического роста.

В настоящее время внимание исследователей привлекает роль размещения производительных сил в *глобальной экономике*. Некоторые утверждают, что глобализация подчеркивает снижение значимости фактора размещения для экономической деятельности [3]. Другие, напротив, считают, что глобализация скорее увеличивает значимость фактора размещения, чем снижает ее, поскольку она усиливает межрегиональные экономические различия. Согласно этой точке зрения, региональная экономика, а не экономика страны является основой создания богатства и главной единицей мировой торговли [4, 5].

В то же самое время предполагается, что все возрастающая глобальная экономическая интеграция сама по себе приводит к усилению региональной специализации, так как сокращение транспортных издержек и снижение торговых барьеров позволяют фирмам образовывать агломерации с другими, подобными себе фирмами, с тем чтобы воспользоваться локализованными положительными эффектами масштаба (экономией от масштаба), которые, в свою очередь, должны привести к эндогенному росту инноваций в регионе, а также к увеличению производительности [5, 6]. По этим и некоторым другим причинам стало модным говорить о «возрожде-

нии региональной экономики» [5] и о росте «глобального комплекса региональных экономик» [4].

Одним из наиболее значимых проявлений подхода, обусловленного локализацией в экономике, а в действительности, может быть, самым значимым, стала идея М. Портера о промышленных кластерах или бизнес-кластерах. Более того, Портер предлагает идею кластеров не только как аналитическую концепцию, но также как инструмент экономической политики. В современных условиях концепция кластеров становится все более связанной с так называемой «экономикой знаний», «информационной экономикой», или тем, что иногда обозначается как «новая экономика» [7].

Однако, на наш взгляд, в теории М. Портера имеются некоторые недоработки. В частности, определение кластера основывается на принципе пространственной близости. Проблема в данном случае заключается в том, что географическая терминология используется весьма вольно, вероятно, как признает и сам Портер, в зависимости от того, какова цель того или иного исследования или кто является заказчиком или исполнителем данного исследования. Основной недостаток этой теории состоит в том, что она не содержит никаких указаний на ограничения в пространстве, на то, как именно происходят различные процессы образования кластеров. Мы не утверждаем, что концепция кластеров должна подразумевать какие-то predetermined географические размеры или масштабы, но использование термина, относящегося к *любым* расстояниям в пространстве, делает всю концепцию «растянутой» до пределов ее адекватности и предполагает, что «процесс образования кластеров» является независимым от пространственного аспекта. Если одни и те же экстерналии и сетевые структуры, на основе которых возникают типичные кластеры, действуют на всем разнообразии пространственных масштабов, то это, несомненно, ослабляет эмпирическую и аналитическую значимость концепции кластеров.

Отсутствие географической точности в существующих определениях понятия кластера и согласованности между ними в дальнейшем усугубляется неопределенностью типологий кластеров и схем их эволюционирования. М. Портер утверждает, что кластеры «различаются по размеру, мощности и стадии развития» [2]. Некоторые кластеры, по его мнению, состоят в основном из малых и средних фирм (он приводит в качестве примера кластер по производству обуви в Италии и кластер по производству домашней мебели в Северной Каролине). Другие кластеры состоят как из малых, так и из крупных фирм (примером является кластер химической промышленности в Германии). Существуют кластеры, организованные на ба-

зе университетов, и кластеры, не связанные с высшими учебными заведениями, кластеры традиционных отраслей промышленности и кластеры высокотехнологичных отраслей. Есть также зарождающиеся кластеры, новые кластеры, развитые кластеры и кластеры, приходящие в упадок.

Некоторые авторы предприняли попытку разработать типологии кластеров, основанные на эволюции процесса их образования. Например, С. Розенфельд [8] выделяет три типа кластеров. «Работающие», или «перевыполняющие», кластеры являются самодостаточными и выпускают в целом больше, чем сумма продукции всех компонентов этих кластеров, работающих по отдельности. «Неактивные», или «недовыполняющие», кластеры представляют собой образования, возможности которых еще не были использованы в полную силу. «Потенциальные» кластеры обладают некоторыми ключевыми характеристиками, но испытывают недостаток производственных ресурсов и нехватку «критической массы». Последний тип кластеров вызывает особенно много вопросов, так как довольно трудно отличить практически любую фирму от «потенциального» кластера, в особенности тогда, когда разработчики экономической политики отнюдь не стремятся отвергнуть идею формирования кластеров (во многих случаях желаемое принимается за действительное, а кластера как такового нет). На практике лишь немногие фирмы не имеют горизонтальных или вертикальных связей (в плане кооперации или конкуренции) с другими фирмами, «близко расположенными» в широком смысле этого слова.

Но самым главным недостатком теории кластеров является, на наш взгляд, ее незаконченность, во всяком случае в изложении М. Портера. Возникает вопрос: а что именно дает экономике региона установление границ кластера? В последних работах Портер пытается ответить на этот вопрос с позиций формирования определенной промышленной политики. В частности, предполагается выявление так называемых образцовых, или успешных, кластеров и распространение их опыта на кластеры других регионов.

ПРООБРАЗЫ КЛАСТЕРОВ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

При попытке применить кластерную теорию к российской действительности мы сталкиваемся с тем, что все перечисленные проблемы встают еще более остро. Это объясняется спецификой отраслевой структуры экономики России, а также спецификой размещения производительных сил страны.

Отраслевая структура российской экономики имеет четко выраженную сырьевую направленность, а размещение производительных сил зачастую определяется географическими, климатическими и другими природными условиями. Тем не менее неким прообразом портеровских (географических) кластеров могут считаться территориально-производственные комплексы. Но переход экономики нашей страны на рыночную модель хозяйствования устранил из системы элементов и взаимосвязей ТПК важнейшее звено – задание на поставку продукции. Предприятия ТПК лишились планового задания и столкнулись с отсутствием спроса на свою продукцию со стороны других отечественных предприятий. Традиционно крупнейший покупатель продукции – государство утратило свое стратегическое положение из-за изменения характера распределения общественного продукта. Исчезли налаженные хозяйственные связи и, самое главное, спрос. В этих условиях выжили и развиваются предприятия и их комплексы, способные удовлетворять платежеспособный, в первую очередь международный, спрос. Поэтому пропорциональность и плановая направленность функционирования ТПК, а следовательно, и управляемость были утрачены. В результате из совокупности устойчиво взаимосвязанных объектов большинство ТПК превратились в хаотичные объединения предприятий с низкой конкурентоспособностью.

В отечественной экономической практике имеется также опыт организации финансово-промышленных групп, главной задачей которых должны были стать концентрация капитала и создание крупных производственных структур. В этом смысле ФПГ тоже можно считать одним из видов кластера, при этом, естественно, речь идет уже не о пространственной близости, а о технологической. Конечно, такое понимание кластера не совсем соответствует определению М. Портера. Тем не менее, по-видимому, не следует исключать из рассмотрения вертикальные бизнес-группы лишь потому, что они не находятся на одной территории. Далее вопрос о разновидностях кластерных схем будет рассмотрен более подробно. К сожалению, ФПГ не в полной мере достигли поставленной перед ними цели развития. На деле концентрация ограничилась переливом капиталов и выводом активов из-под государственного контроля. Причинами этого послужили мало соответствующие действительности методы управления, низкий технологический, научный и производственный потенциал, непоследовательная государственная политика и неэффективная государственная поддержка.

В связи с вышеизложенным возникает проблема типологизации кластерных схем применительно к российской экономике, а также проблема разработки адекватной промышленной политики и оценки ее эффективности.

Что касается типологизации, то здесь следует учитывать основные траектории развития экономики России. Первая связана с формированием вертикально интегрированных структур, при этом географический признак для идентификации принадлежности к кластеру уходит на второй план. Вторая траектория связана с формированием горизонтальных сетей, и здесь географический признак играет более важную роль. И наконец, особый вид кластера, на наш взгляд, представляют собой так называемые стратегические альянсы как специфическая форма взаимосвязи между производственными структурами. Кроме того, следует подчеркнуть, что принципиальной особенностью кластера является его, пусть даже потенциальная, способность обеспечить рост *конкурентоспособности региона*.

Таким образом, при реализации кластерного подхода мы предполагаем опираться на типовое понятие кластера, заимствованное у М. Портера, но в зависимости от того, какой объект мы рассматриваем, следует, на наш взгляд, применять разные показатели и учитывать разные факторы для идентификации кластерной модели. Все факторы в данном случае делятся на две группы: факторы географические и факторы технологические, – т.е. мы расширяем понятие, введенное Портером. Кроме того, накладывается строгое ограничение в виде наличия признаков роста конкурентоспособности агломерационного образования. Естественно возникает вопрос о том, каковы формальные признаки конкурентоспособности. Ответив на этот вопрос, мы получаем инструмент для определения кластерной структуры, ее формирования и развития. Исходным пунктом могут являться данные о межотраслевых связях. В кластерную схему должны включаться экономические агенты, чей вывоз равен или превышает среднюю для рассматриваемой страны или территории долю в торговле за некий промежуток времени. Кроме того, следует выделить те отрасли, которые получают иностранные инвестиции, а также демонстрируют устойчивые темпы роста экспорта.

Таковы особенности предлагаемого методологического подхода для выявления кластерных схем. Но само по себе выявление кластера не должно становиться основной целью исследования. Далее необходим переход к разработке адекватной промышленной политики с учетом особенностей выделенных в экономике страны или региона кластеров. Также важен механизм оценки эффективности проводимой экономической политики.

ПРИМЕРЫ ВОЗМОЖНЫХ КЛАСТЕРОВ В ЭКОНОМИКЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Особенности возможных кластерных схем были нами рассмотрены на примере одного из крупнейших регионов России с четко выраженной сырьевой спецификой – Красноярского края. Занимая особое геополитическое положение, Красноярский край обладает не только уникальными природными ресурсами, но и развитым производственным, трудовым и еще не утраченным интеллектуальным потенциалом. События 90-х годов привели экономику края, так же как и всей страны, в состояние глубокого кризиса. Наметившиеся после 1998 г. положительные тенденции создали предпосылки для развития экономики, хотя кризисные явления в полной мере еще не преодолены.

К 2000 г. доля цветной металлургии в структуре промышленности края достигла почти 80%, а индекс физического объема по отношению к 1990 г. составил 99,5% [9]. На долю топливно-энергетического комплекса приходилось 7%, соответственно, на долю всех остальных отраслей промышленности – около 13%. Это явилось следствием того, что цветная металлургия переориентировалась на вывоз своей продукции за пределы страны (он составлял примерно 95%), сохранив при этом дореформенные объемы производства. Остальные же отрасли, ориентированные на внутренний рынок, сократили объем производства в несколько раз (например, машиностроение – в 3 раза).

За последующие три года эти диспропорции несколько уменьшились: к 2003 г. доля энергетического комплекса в структуре промышленности края возросла до 12,6%, увеличилась доля машиностроения. Доля цветной металлургии снизилась до 67–69%. Однако структура промышленности носит ярко выраженный *моноотраслевой характер*, и это делает принципиально невозможным планируемое в рамках Концепции социально-экономического развития Красноярского края двукратное увеличение к 2010 г. объемов ВРП и доходов населения.

Кроме того, в условиях рыночной открытости и глобализации экономических процессов в крае происходит постепенное вытеснение местных производителей с внутреннего рынка как потребительских товаров, так и продукции производственного назначения. В их числе оказались предприятия легкой и пищевой промышленности, транспортные предприятия, предприятия по производству строительных материалов, деревообрабатывающие и др.

Краевое хозяйство, ранее собранное в технологически единый комплекс, по мере втягивания в глобальный рынок, видимо, будет продолжать расслаиваться. В нем уже выявились свои лидеры – те компании, которые успешнее других смогли адаптироваться к экономической глобализации, и отстающие предприятия, до сих пор ориентирующиеся в своей деятельности на локальные рынки. Ранее единые отрасли растянулись по пути интеграции в открытый рынок в длинную цепочку предприятий, решающих подчас разные производственно-технологические, торгово-сбытовые и финансово-управленческие задачи. То же самое произошло и со старыми территориально-производственными комплексами. Драматизм положения Красноярского края в процессе интеграции в глобальную экономику заключается в том, что к моменту открытия национального рынка хозяйство края оказалось специализированным на сырьевом производстве. Ведущими отраслями региональной экономики являются цветная металлургия, горно-рудная, угольная промышленность, лесопромышленный комплекс и энергетика. Большая часть входящих в эти отрасли предприятий производят сырье либо продукцию его первичного передела. Большинство этих отраслей монополизированы одной-двумя вертикально интегрированными компаниями, которые уже нельзя назвать красноярскими. Компании имеют общенациональный статус, а центры их управления вынесены за пределы региона (как правило, в Москву).

В рамках изложенного выше подхода к выявлению и идентификации кластерных схем в структуре экономики Красноярского края могут быть выделены в настоящее время три основных блока:

- локальные рынки, где кластеры не могут образоваться (если одним из основных признаков кластера считать его конкурентоспособность за пределами региона);
- монополизированный сырьевой сектор, где практически уже созданы производственные комплексы (например, в цветной металлургии);
- отрасли и рынки, где могут возникнуть кластеры.

Под локальными рынками будем понимать те рынки, на которых затруднено образование кластеров и которые не влияют на общую конкурентоспособность края в глобальной экономике. Понятно, что локальные рынки в крае не исчезнут вовсе. Относительно замкнутые локальные сегменты сохранятся на рынках пищевых продуктов, строительных материалов, строительства – там, где расстояние перевозок ограничено самим ха-

рактором продукции или услуг. Замкнутые рынки будут существовать и там, где проникновение на них связано со слишком большими издержками на производство и дистрибуцию в силу их удаленности или чрезвычайно малых размеров.

К числу предприятий, сориентированных на локальные рынки, сегодня относятся большая часть предприятий агропромышленного комплекса, предприятия бытовых услуг, легкой промышленности, транспорта, а также монопольные и бюджетные структуры – предприятия ЖКХ, энергетики, учреждения образования и здравоохранения. Как локально замкнутые в крае сохраняются рынки жилищно-коммунальных услуг, отдельных видов социальных услуг, оказываемых муниципальными и государственными предприятиями и учреждениями (образование и здравоохранение), а также рынки предприятий-монополистов. Однако количество подобного рода рынков будет постепенно и последовательно уменьшаться. В течение 2004–2005 гг. должна произойти окончательная реструктуризация инфраструктурных рынков – энергетического, транспортного, а также рынка жилищно-коммунальных услуг. В среднесрочной перспективе трансформируется рынок социальных услуг.

Тем не менее до раскрытия названных рынков производственные кластеры на них сформироваться не смогут. Следовательно, на этих рынках невозможен и значительный экономический рост. Предприятия на них и далее будут существовать в «угнетенном» состоянии, растрачивая капитал и демонстрируя низкую экономическую эффективность. Устойчивость предприятий и учреждений, работающих на локальных рынках, и далее будет оплачиваться за счет перекрестного субсидирования и бюджета.

Как ни странно, к относительно локальным рынкам в Красноярском крае можно отнести и машиностроение. Эта отрасль всегда была одной из ключевых в региональном хозяйстве, однако в последнее десятилетие она переживает далеко не лучшие времена. Как единое целое красноярское машиностроение сегодня практически не существует. Относительно устойчиво чувствуют себя те машиностроительные предприятия и производства, которые были втянуты в качестве поставщиков и субподрядчиков в крупные сырьевые компании. Другие предприятия, которые работают относительно устойчиво и в принципе могли бы претендовать на роль кластерообразующих (ОАО «КЗХ «Бирюса», ОАО «Сибтяжмаш»), сориентированы либо на производственную кооперацию вне края (НПО «Прикладная механика»), либо на слишком узкие сегменты рынка (ОАО «Красноярская судоремонтная верфь», ГУП «Электровагоноремонтный завод»).

В любом случае, если в крае не будут достроены соответствующие производственные кластеры, в долгосрочной перспективе данные предприятия обречены на угасание либо на включение в качестве самостоятельных процессинговых центров в трансрегиональные корпорации.

При этом не исключается возможность перехода отдельных предприятий и комплексов из группы локальных отраслей в потенциально кластерообразующий сектор. На это, по сути дела, и должна ориентироваться промышленная политика в контексте кластерного подхода.

Сектор топливно-энергетического комплекса (сырьевая экономика) основан на монополизации использования тех или иных природных ресурсов крупными трансрегиональными компаниями. К этому сектору могут быть отнесены несколько межотраслевых конгломератов, имеющих в основе базовое производство:

- золотодобывающая и аффинажная промышленность (ГМК «Норильский никель» и АО «Полус»);
- алюминиевая промышленность (ОАО «Красноярский алюминиевый завод», ОАО «Ачинский глиноземный комбинат»);
- медно-никелевая промышленность (ГМК «Норильский никель»);
- энергометаллургический комплекс (Красноярская ГЭС);
- угледобывающее производство (ОАО «Красноярскуголь»).

В течение 2004–2005 гг. в данный сектор имеют шанс перейти предприятия энергетики. Производственно-технологическую основу таких межотраслевых конгломератов составляют добыча и первичная переработка сырья, а также обеспечение производственных процессов. При этом технологические мощности размещаются на территории края, а основные звенья цепочки накопления добавленной стоимости (дистрибуция, глубокая переработка сырья, управление финансами, разработка новых технологий и т.п.) – за его пределами, на других рынках. Хотя имеющиеся в крае предприятия химической и фармацевтической отраслей не относятся к сырьевым, имеет смысл упомянуть их именно здесь, поскольку наиболее крупные из них превратились в процессинговые центры более крупных корпораций. ОАО «Красфарма» принадлежит холдинговой группе «Отечественные лекарства». ООО «ПО «Красноярский шинный завод» отошел к холдингу «Амтел» и преобразован. Судя по всему, холдинг поглотит и Красноярский завод резинотехнических изделий после проведения процедуры банкротства. Завод синтетических каучуков достался ОАО

«СИБУР», ОАО «Ачинский нефтеперерабатывающий завод» принадлежит компании «ЮКОС», будущее ООО «Красноярские волокна» связано с московским холдингом ООО «ТЭФ Юникорн». Те же химические предприятия, которые не входят в вертикально интегрированные структуры (ОАО «Шелен», ОАО «ХК «Енисей», ОАО «Красноярский биохимический завод» и др.), будут и далее испытывать трудности в адаптации к глобальному рынку.

В перспективе сырьевой сектор краевой экономики будет развиваться в сторону постепенного сокращения числа занятых в основном производстве (за счет повышения его технологического уровня) и минимизации трансрегиональными компаниями налоговых и экологических платежей (эти компании могут выбирать, где платить налоги, устанавливая трансфертные цены внутри своей технологической цепочки).

Таким образом, в том виде, в каком этот сектор экономики оформляется в настоящий момент в Красноярском крае, он может обеспечить конкурентоспособность края в лучшем случае по отношению к другим старо-промышленным регионам России либо к новым индустриальным районам на так называемых развивающихся рынках. Даже с учетом перераспределения природно-сырьевой ренты в пользу бюджета и сырьевого сектора экономики увеличить бюджетные платежи от процессинговых и сырьевых корпораций вряд ли возможно даже в среднесрочной перспективе. Без развертывания в крае новых кластеров деньги будут утекать в более конкурентоспособные в глобальной экономике регионы.

Тем не менее в сырьевом секторе края уже созданы и работают межотраслевые комплексы. Эти комплексы построены с сочетанием технологического и географического признаков. Фактически они представляют собой уже сложившиеся кластеры. Проблема заключается в том, что они работают не на региональный и даже не на российский рынок. Промышленная политика в этой области должна быть акцентирована на создании условий для появления на базе существующих старых кластеров так называемых новых, т.е. обеспечивающих рост конкурентоспособности региона. Кроме того, здесь возникает проблема финансовых потоков, поскольку для инноваций (а без них создание новых конкурентоспособных кластеров невозможно) требуются значительные инвестиции, которые могли бы идти из сырьевого сектора при правильно сформулированной промышленной политике.

Теперь попробуем оценить перспективы появления новых кластеров в крае. Сектор экономики, в котором гипотетически могут образоваться новые кластеры, могут, на наш взгляд, составить лесопромышленный комплекс,

агропромышленный комплекс и пищевая промышленность, транспорт, ювелирная промышленность. На следующем этапе акцент следует сделать на строительстве, производстве строительных материалов и машиностроении.

Лесопромышленный комплекс. Для возникновения кластера в лесопромышленном комплексе важно сохранить конкуренцию между различными производителями и не допустить монополизации рынка одной компанией. В настоящее время в лесопромышленном комплексе Красноярского края существует несколько весьма скромных вертикальных производственно-технологических конгломератов, центрами которых являются три лесопильно-деревообрабатывающих комбината в Лесосибирске, объединяющих лесозаготовителей вокруг деревообработки, ОАО «Енисейский ЦБК» в Красноярске с сетью поставщиков сырья и отдельные деревообрабатывающие предприятия в Канске. В то же время условия для формирования в крае мощного лесного кластера существуют: здесь сконцентрированы лесозаготовительные предприятия, деревообрабатывающие, включая мебельные фабрики, предприятия целлюлозно-бумажной промышленности, биохимические заводы, предприятия транспорта, специализированного машиностроения (ФГУП «Красноярский завод лесного машиностроения»), полиграфической промышленности (ПИК «Офсет»). Кроме того, лесопромышленный комплекс демонстрирует в последнее время устойчивые темпы роста, что позволяет судить о повышении его конкурентоспособности

Все эти потенциально технологически связанные производства не могут стать полноценным кластером из-за слабости конечного звена технологических цепочек – деревообработки, химической переработки древесины, целлюлозно-бумажного производства и полиграфии. К тому же эти цепочки не отлажены не только технологически, но и организационно. До тех пор пока кластер окончательно не оформится (либо пока сектор не монополизируется), в ЛПК края будет сохраняться в целом неустойчивая финансово-производственная ситуация. При растущем рынке значительная часть предприятий (особенно в лесозаготовке) будут находиться в состоянии перманентного кризиса, и в конечном итоге они могут быть поглощены одной крупной компанией.

Сегодня различными группами заинтересованных лиц предлагается несколько вариантов развития лесного комплекса:

- создание новой крупной вертикально интегрированной компании;
- формирование мощной торговой сети для сбыта продукции на рынках;

- привлечение крупных инвестиций в развитие конечных звеньев технологических цепочек (строительство еще одного целлюлозно-бумажного комбината, развитие мебельных производств, создание условий для функционирования в крае торговых систем мирового уровня и т.д.).

Существует концепция развития лесопромышленного комплекса Красноярского края, разработанная ГНЦ ЛПК. Она основывается на возможности освоения значительных лесных ресурсов региона. Однако технологические решения, предлагаемые для развития Красноярского лесного комплекса, предполагают чрезвычайно большие инвестиционные затраты, на которые, судя по всему, может пойти только крупный внешний инвестор. Поиск такого может стать одной из главных задач развития ЛПК.

В отношении успешной реализации данных проектов очень многое зависит от позиции региональных и муниципальных властей. Речь идет о согласовании экологических требований, определении режима лесопользования, режима работы транспорта и реализации программ инфраструктурного развития новых участков лесного фонда. Пока данная позиция не сформулирована. Стихийное же выстраивание отраслевой структуры может занять достаточно длительное время.

Агропромышленный комплекс. Интересная ситуация складывается в агропромышленном комплексе и пищевой промышленности. Очевидно, что АПК все более интегрируется с пищевой промышленностью, возникают производственные объединения. Часть из них являются горизонтальными, т.е. объединениями сельскохозяйственных производств вокруг управляющих компаний. Но большая часть – вертикальные, замыкающие цепочку производства-переработки и торговли. Именно переработка является сейчас базовым сектором для производственных объединений.

Однако малые мощности предприятий пищевой промышленности, отсутствие известных брендов и ориентация на локальные рынки блокируют развитие в крае кластеров в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. В то же время это не мешает постепенно наращивать производство отдельным красноярским предприятиям: ОАО «Пикра» планирует увеличивать производство на 5–7% в год, запускают новые технологические линии ОАО «Зубр» и ОАО «Краскон». Но к появлению полноценных производственных кластеров, обеспечивающих конкурентоспособность края на глобальном рынке, это пока не приводит.

Важным шагом в формировании нового кластера могло бы стать перемещение базового сектора из переработки в торговлю. Однако для этого необходимо развернуть в крае современные форматы торговли на рынке пищевых продуктов, сохраняя конкурентную среду на нем. Но приход в край современных торговых сетей, развитие красноярских торговых организаций будут в настоящее время только обострять кризис в ряде секторов пищевой промышленности. Среди самых «страдающих» окажутся ликероводочные заводы. Они выпали из процесса модернизации, упустили возможность создать конкурентоспособные брэнды и смогут рассчитывать только на то, что доступ на красноярский рынок для предприятий из других регионов, производящих аналогичную продукцию, будет закрыт административным путем. По мере развития торговли требования ограничить доступ на рынок для некроярских товаров будут поступать и от других производителей, работающих в АПК.

Ювелирная промышленность. Все еще сохраняется пусть и небольшая, но реальная возможность создания в крае кластера в ювелирной промышленности. Следует отметить, что формирование данного кластера может как раз служить примером зарождения нового инновационного кластера на базе сырьевого сектора.

Красноярский завод цветных металлов (КЗЦМ) им. В.Н. Гулидова имеет в своем составе не только аффинажное производство (переработка около 40% добываемого в стране шлихового золота), но и ювелирное. Если в 1998 г. ювелирное производство давало только 2% продукции, выпускаемой заводом, то сегодня – уже более 20%. Свои ювелирные изделия КЗЦМ продает в основном в регионы РФ и страны ближнего зарубежья – Украину, Белоруссию, Молдавию, небольшие партии изделий экспортирует в Великобританию.

Рынок ювелирных изделий оценивается как растущий. К тому же следует учитывать, что ГК «Норильский никель» намерена увеличить поставки палладия российским и зарубежным ювелирным компаниям за счет популяризации этого металла на ювелирном рынке. Для продвижения палладия на российский и зарубежный ювелирные рынки «Норильский никель» рассчитывает привлечь стратегических партнеров из числа ведущих ювелирных компаний. «Норильский никель» уже ведет переговоры с российскими производителями ювелирных изделий, среди которых екатеринбургская компания «Ювелирный Дом» и Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов. По оценкам специалистов «Норильского никеля», выход палладия на мировую ювелирную арену вызвал значительный интерес у лидеров ювелирных рынков таких стран, как Китай, Индия,

США. Обратили внимание на палладий и швейцарские производители эксклюзивных часовых брэндов.

Организационно кластер может существовать и успешно развиваться как «горизонтальный» на базе развития различных ювелирных торговых марок. Ювелирное производство при этом является современным производством, работающим в сфере так называемого символического потребления, а потому связанным с наиболее продвинутыми гуманитарными технологиями – дизайном, рекламой, PR-менеджментом, брэндингом и т.д. Достройка полноценного кластера предполагает развертывание современных форматов торговли, формирование полноценного и узнаваемого брэнда, инвестиции в развитие промышленного дизайна. Без реализации этих мероприятий кластер не состоится.

Транспорт. Все еще возможно формирование нового производственного кластера в транспортном секторе. О необходимости создания в Сибири мультимодальных транспортных узлов, имеющих не только национальное, но и мировое значение, говорится давно. Для размещения такого узла в Красноярске есть все основания: географическое положение (пересечение Енисея и Транссиба, выход к Северному морскому пути), наличие крупных транспортных компаний (ОАО «КрасЭйр», Енисейское речное пароходство, ОАО «Красноярские железные дороги»). Однако кластеры на базе транспортных компаний края до сих пор не сформировались. Для создания полноценного мультимодального транспортного узла не хватает логистического обеспечения, таможенная инфраструктура существенно уступает таковой в соседних городах.

В целом можно сделать вывод, что в Красноярском крае имеются площадки для формирования кластеров. В связи с этим необходимо разработать адекватную промышленную политику, которая бы способствовала реализации кластерной концепции в целях обеспечения роста конкурентоспособности региона.

Следует отметить, что чрезвычайно важно уловить изменения в конкурентоспособности региона на глобальном рынке, зафиксировать тот факт, что она уже не столь жестко, как в предыдущую экономическую эпоху, связана с определенным набором технологий и размещением производств на соответствующей территории. Основу организации регионального хозяйства, обеспечивающую наивысшую конкурентоспособность региона на глобальном рынке составляют производственные кластеры. При этом кластерная концепция в регионе должна, на наш взгляд, реализовываться в несколько этапов:

1) определение типов формирующихся или существующих кластеров на базе сочетания географических и технологических факторов, а также с учетом формальных признаков роста конкурентоспособности;

2) разработка адекватной промышленной политики с учетом особенностей кластера;

3) оценка эффективности реализуемой экономической политики;

4) оказание поддержки зарождающимся кластерам.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время вопросы устойчивого экономического роста в регионе, повышения его конкурентоспособности приобретают особую актуальность, поскольку дальнейшие перспективы увеличения конкурентоспособности связываются с инновационной и инвестиционной активностью. В работах классика в области теории конкуренции М. Портера в качестве возможного инструмента стимулирования инноваций и экономического роста предлагается кластерная модель. Специфика российской действительности требует переосмысления портеровской теории кластерных схем, в связи с чем нами предлагается несколько расширенный вариант типологизации кластеров. Анализ возможных кластерных схем, проведенный на примере одного из крупнейших регионов России – Красноярского края, позволил сделать вывод о том, что реализация кластерного подхода даст региону возможность выйти на траекторию устойчивого экономического роста и, преодолев моноотраслевую структуру производства, повысить конкурентоспособность своей экономики.

Литература

1. **Портер М.** Конкуренция. – С.-Петербург; Москва; Киев: ИД «Вильямс», 2002.
2. **Портер М.** Международная конкуренция. – М.: Междунар. отношения, 1993.
3. **Cairncross F.** The death of distance. – L.: Orion Business Books, 1997.
4. **Scott A.** Industrial organization and location: Division of labor, the firm, and spatial process // *Economic Geography*. – 1997. – V. 63.
5. **Krugman P.** The role of geography in development // *International Regional Science Review*. – 1999. – V. 22.
6. **Martin R., Sunley R.** Paul Krugman's geographical economics and its implication for regional development theory: A critical assessment // *Economic Geography*. – 1998. – V. 72.
7. **Гохберг Л.** Национальная инновационная система в России в условиях «новой экономики» // *Вопросы экономики*. – 2003. – № 3.
8. **Rosenfeld S.** Backing into clusters: Retrofitting public policies. См. www.oecd.org (1997 г.).
9. **Социально-экономическое положение Красноярского края в 2003 г.:** Стат. сб. – Красноярск, 2004.